

Лууле Виилма

Остаться
человеком,
или
Достоинство
жизни

ПРОЩАЮ СЕБЕ

Найденная рукопись
Ранее не публиковавшийся текст

Лууле Виилма
Остаться человеком,
или Достоинство жизни
Серия «Прощаю себе.
Лекции и беседы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4465718

Остаться человеком, или Достоинство жизни / Лууле Виилма.: У-

Фактория; АСТ; Екатеринбург, Москва; 2010

ISBN 978-5-9757-0374-3, 978-5-9713-9310-8

Аннотация

В своей новой книге Л. Виилма предлагает учение о духовном развитии, которое не только поможет излечиться от конкретной болезни, восстановить душевное равновесие, обрести внутренний покой через принятие и прощение, но и показывает, как применять учение на практике. Для широкого круга читателей.

Содержание

Учение о выживании	4
Химическая и физическая природа стрессов	4
От издательства	5
Предисловие	7
Непростительное заблуждение	8
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лууле Виилма

Остаться человеком, или Достоинство жизни

Учение о выживании

Химическая и физическая природа стрессов

*Духовный свет, порожденный
духовным мраком,
развивает дух.*

*Духовный мрак, порожденный
духовным светом,
развивает тело.*

Оба вида развития необходимы.

Когда вы берете в руки книгу о духовном развитии, всегда спрашивайте себя:

«Нужно ли это мне?» Прислушайтесь к себе, и, если внутренний голос говорит, что нужно,

открывайте книгу, но не ранее того.

От издательства

20 января 2002 года ушла из жизни доктор Лууле Виилма. Это произошло в результате автомобильной аварии на трассе Рига–Таллин. Трагическое известие было неожиданным и отозвалось огромной болью в сердцах всех, кто знал ее и любил, для кого она была другом и Учителем. В расцвете лет прервалась жизнь человека, полного творческих сил и планов.

Прошел уже не один год с тех пор, как произошло это трагическое событие. Много времени ушло на его осмысление. Однако эти годы показали, что метод Лууле Виилмы продолжает жить и развиваться. Множество людей примыкают к числу его последователей уже в отсутствие его создателя и Учителя. Подтверждением этому является постоянный интерес к книгам Л. Виилмы, а также письма и звонки в издательство «У-Фактория».

Благодаря книгам, изданным на русском языке, для многих-многих россиян Лууле Виилма стала учителем и любимым другом, помогающим понимать жизнь и себя. Она также является духовным мостиком между Эстонией и Россией. Созданное ею учение несет Веру, Надежду и Любовь всем, кто в этом нуждается.

Теперь, когда физически ее нет среди нас, ее любовь и мудрая поддержка по-прежнему доступны для тех, кто читает ее книги, размышляет над жизнью и использует знания, которые она дала людям.

Лууле Виилмы нет с нами, но остались недописанные рукописи, черновики... Ее последователи, ученики, друзья, муж, дети и внуки продолжили дело Лууле, и вот перед вами, дорогие читатели, новая книга Учителя «Остаться человеком, или Достоинство жизни».

Предисловие

На протяжении жизни я постоянно сталкивалась с людьми, которые мыслят не так, как я. При любом легком недомогании, травме первая мысль, которая их посещает, – это помощь врачей. Они прекрасно понимают и принимают идею «помоги себе сам», но только на словах.

Если желаемый результат не приходит сразу, то и вообще вера в выздоровление, интерес к оказанию помощи самому себе быстро пропадает. Люди без веры должны **знать**, что быстро можно лишь упасть, а чтобы подняться, необходимо время.

Из жизненного тупика человек может найти выход, если сумеет разобраться в самом себе. Это трудно, если человеком движет желание, и легко, если им движет потребность... Справиться с этим может каждый.

Непростительное заблуждение

«Жизнь есть жизнь», – говорит человек, познавший жизнь. Половую сферу он не отделяет от жизни. Большинство людей пока еще пребывает в плену религиозного мировоззрения, из-за чего их половая жизнь происходит в темноте и под одеялом, и говорить об этом – грех. Простите, что пишу прямо «религиозное мировоззрение». Я могла бы напустить туману, используя фразы типа «догматическое мировоззрение» или «представления испуганного человека». Религиозные люди частенько пристают ко мне с вопросом: *«Как вы смеете так говорить?»* Иногда я задаю им встречный вопрос: *«А как вы смеете так думать?»*

Испуганный человек делит жизнь на части, называет их хорошими или плохими и читает мораль «грешникам», не замечая, что сам грешит против морали. Потому-то и возникает путаница с такими понятиями, как «человек» и «тело». Душа подсказывает одно, умные люди велят делать другое, причем сами поступают вразрез со своими же словами. Как же быть? Равным образом заблуждаются и те, кто отдает приказы, и те, кто их исполняет, поэтому не стоит считать одних более правыми, чем другие.

Но тот, кто думает, что он лучше других, считает себя вправе утверждать, что поступает правильно. А тот, кто считает себя хуже других, вынужден признавать, что

поступает неправильно. И первые и вторые лгут и себе и другим в тщетной надежде, что грех не выйдет наружу. А как поступаете вы?

Жизнь заключается в том, что мы живем. То, что жизнь должна продолжаться и что дети рождаются от матери, – известно и младенцу. Но почему это считается грехом, ответить порой затрудняются. Глубоко религиозному человеку нельзя задавать подобного вопроса, потому что он не поймет, отчего ты добровольно навлекаешь на себя гнев Божий. В лучшем случае он помолится за тебя. В худшем превратится в наместника Бога на земле и покарает тебя за богохульство. Он полагает, что имеет на это право. Грех он считает непростительным заблуждением, но что такое грех – об этом даже не задумывается в своей богобоязни.

Религия запрещает задавать вопросы, обязывая верить слепо, но тем не менее я спрашиваю: *«Как мог Бог дать нам для продолжения жизни лишь одну возможность, причем такую, которая навлекает несчастье?»* Я в это не верю, ибо сердце подсказывает, что это неправда. Если кто-то захочет меня переубедить, ему придется представить очень веские доказательства. Под страхом смерти, может, я и скажу, что верю, но в душе все равно останусь при своем мнении.

Вероятно, вы понимаете, что Бог тут ни при чем. Люди, желающие превозмочь страхи, то есть желающие стать смелыми, начали страхи подавлять и сделались внешне смелее

других. Они ощутили свою силу и решили, что являются Божьими избранниками, а потому имеют право властвовать над остальными. Они присвоили себе право принуждать тех, кто поглупее, слепо верить в «Божье слово», которое исходило от них же самих и отражало их собственные ложные представления. Наивно веря в свою избранность, они взращивали свое эго, чем причиняли страдания тем, кто по своей наивности верил им. При этом они сами стали верить в свою избранность, не понимая того, что каждый человек уникален. И по сей день они не поняли, что **слово материально, и если оно заключает в себе приказ, то является бездушным орудием убийства.** Смысл слова – это душа слова, превращающая его в живое слово, в котором человек нуждается для своего развития. Слово никогда не произносится, если высказывание не несет в себе смысла – идеи. Идея присутствует всегда, даже если о ней не задумываются. Идея существует как дух, в котором мы пребываем. Дух есть Бог. Если рассуждать логически, если тело греховно, то и Бог тоже должен быть греховен.

Власть основывается на мудрых догмах, вследствие чего умные становятся умнее, а глупые – глупее. Власть не любит рассудительных людей, которые полагаются на свое мироощущение и думают своей головой, ибо доверием рассудительного человека невозможно злоупотреблять. Власть по праву более сильного расправляется со всеми, чей дух свободен. Наивысшая власть – это власть над духом, то есть

религия. **На наше счастье**, она способна господствовать лишь над духом, скованным страхами. **На нашу беду**, в наше время совершенно свободный дух – редкость, поскольку мы лишь учимся обретать единство в своем триединстве.

Власть есть власть, будь она религиозная или атеистическая, или, иными словами, *церковная или светская*. Если власть настолько развита, что уже не позволяет распять кого-либо на кресте физически, то ее именуют демократией, и глупым людям опять приходится ломать голову над вопросом, для кого она мать, а для кого – мачеха.

Мир безграничен. Ограниченность церкви вынудила скованных рамками людей искать безграничное, находить его и называть этим именем. Бог дал нам всем внутреннее чувство, или душу, которая мало-помалу раскрывает все тайны, хочет того власть или нет. Каждый самостоятельно ищет свою правду жизни, но, если бы все стали сообща искать и находить, оказалось бы, что все ищут одно и то же. Пока мы еще не научились держаться вместе, поэтому власти и удаётся нами управлять.

Я не знаю, считает ли церковь греховными животных из-за их естественных половых действий. Очевидно, не считает. Если бы церковь учила людей правде, она не считала бы греховным человеческое тело и его функции. Человек не животное, однако в нем заложено природное начало. Становление человека предполагает обуздание этого начала, движение по пути, свойственному человеку. Если церковь, взяв на

себя роль наставника, этому не учит, то жизнь вынуждена развиваться стихийно, что и происходит до сих пор – через пень колоду. Если бы догматичные лженаставники действительно верили в Бога, они сознавали бы, что Бог видит чинимую ими несправедливость, видит их грязные мысли, ложную мораль и гнусность. Если они действительно бы верили в Бога, то отказались бы от всего этого хотя бы из страха перед наказанием за грехи.

Доводилось ли вам когда-нибудь слышать в загсе на церемонии бракосочетания слова о том, что брак – это, дескать, святыня, а половая жизнь – страшный грех, из-за которого придется гореть в адском пламени? Не доводилось. Чтобы не страдать всю жизнь из-за ощущения совершаемого греха, люди заключают брак по светским обрядам либо напрямуюверяют себя в руки Бога, обходясь без посредников, то есть живут в гражданском браке. В том, что светская жизнь обрачивается отрицанием Бога, виновата церковь.

Если человек приходит в церковь за помощью и наставлениями, а его клеймят за грехи, то от растущего груза вины человек пригибается к земле. Способна ли такая женщина принять супруга с раскрытым сердцем, если он заставляет ее совершать грех? Способна ли она радоваться детям, если они – плоды греха? Способен ли вообще религиозный человек любить свою семью? Однако же любит – сама жизнь это доказывает. Значит, в Бога всегда верят в обход церкви, обманывая церковь, ибо сама церковь заставляет себя обманы-

вать. Человек, который верит в себя, обретает истину в самом себе. Так было всегда. Вот только он не спешит объявлять об этом во всеуслышанье.

Бог создал женщину для сотворения духовного мира и для деторождения и даровал ей материнскую любовь для выполнения этой святой миссии. Церковь же утверждает обратное: женщина есть воплощение зла, сбивающее мужчину с пути истинного. Мужчина, бедняжка, ни в чем не виноват. Выходит, что мужчина – существо беззащитное, несчастная жертва, а женщина – блудница, которая должна искупить свой грех ужасными страданиями. Богобоязненная женская половина человечества, до сих пор в это верящая, живет страдая. А кто не верит, тот также страдает. Почему? Потому что *атеизм являет собой бегство от религии, а не внутреннее освобождение от религии*. Мы носим в душе идею религии и черпаем из нее жизненную силу, однако свойственное религии хорошее и плохое подчас превращают идею в сплошную мешанину.

Это по вине церкви мужчины вынуждены постоянно доказывать, что они не беспомощные, убогие, ни на что не способные, жалкие неумехи, которых жене приходится кормить, опекать и обихаживать. Доказывают по сей день, но доказать не могут. Все яснее становится, что правда на стороне женщин. По вине церкви женщины вынуждены постоянно доказывать, что они не грешницы, но доказать этого не могут. Все

яснее становится, что правда на стороне мужчин: все женщины – потаскухи, даже если они – монашки. Взаимная злоба лишь усиливается, расцветает и дает плоды: каждое последующее поколение несет в себе все больше злобы. Против кого? Прежде всего против самого себя из-за собственного неумения быть самим собой.

Не будь страха, не было бы злобы и озлобления.

Не будь бессмысленного озлобления, не было бы и ненависти.

Когда человек, преисполненный ненависти, начинает злиться, он набрасывается на подобного себе, потому что тот, как и он сам, не умеет быть человеком. Ведь нельзя же назвать человеком того, кто хватается за оружие и убивает ближнего по той лишь причине, что тот верит в Бога, носящего иное имя. Подобный поступок со стороны простого христианина – это малая ошибка, малая вина, малый грех. Та же ошибка, инициированная церковной верхушкой, – это большая ошибка. Все большие войны, ведущиеся с благословения высших носителей религиозной власти, были и есть священные войны. Для кого? Конечно же, для тех, кто считает насилие святым делом. Истребление как доказательство своего превосходства – таков результат человеческой неспособности мыслить. Короче говоря, результат непомерного страха.

Какой страх самый большой?

Отвечаю: догматический страх, оно же **знание, которое страшит.**

Догматическое мышление являет собой приверженность некоему взгляду, который дарует сиюминутное успокоение душе, тогда как в действительности представляет собой *незыблемую, окончательную точку зрения*, не подвергающуюся изучению из-за страха. Догма – это когда о некоей вещи говорят: так оно было, так есть и так и будет. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Общеизвестной **догмой (она же слепая вера)** является религия, которая знакома всем, но мало кто в ней разбирается.

Самый сильный религиозный страх испытывают атеисты, так как, помимо бегства от религии, они критикуют религию, истребляя ее косвенно или прямо. Ими движет страх и ненависть к *слепой вере*, не позволяющей человеку развиваться. Высвободить же из себя проблему они не умеют. Не стоит осуждать бывших «красных», которые ныне стараются искупить в церкви свои грехи. В церковь их гонит *религиозный страх*, ибо люди во все времена искали святую в стенах храма. Когда вы начнете высвобождать свой религиозный страх, то поймете, насколько он велик. Неудивительно, что от морализаторских нравоучений церковных сановников нас бросает в дрожь. Относиться к этому с тупым безразличием способны лишь эгоисты в состоянии апатии.

Наши страхи достаточно велики для того, чтобы притя-

нуть жар адского пламени, то есть душевную боль. Ад, если вы помните, это **корыстолюбие**. А то, что пугающий видит в других себя, сейчас речь не об этом. Когда вы начнете высвобождать свой религиозный страх, то сможете почувствовать, как трепещет каждая клеточка вашего тела— так заявляют о себе накопившиеся за тысячелетия страхи. Какие страхи? Все те же — **страх оказаться виноватым** и **страх пережить позор**.

Приступив к высвобождению религиозного страха, вы на первых порах чаще обычного будете сталкиваться с религиозным морализаторством и обнаружите, что оно вас пугает либо раздражает. Это нормальная реакция на то, что засевший в вас страх пришел в движение и оттого сделался ощутимым. Продолжая высвобождать страх, вы постепенно поймете, что ничто земное, включая религию, не может быть идеальным. Вера, данная человеку Богом, превращается в религию из-за испытываемых земным человеком страхов, из-за слепой приверженности вере. Идея идеала попросту искажается в процессе ее неверной реализации, но только так мы учимся извлекать уроки. Несмотря на это, истинный идеал в каждом человеке живет независимо от вероисповедания.

Испуганный человек живет, постоянно прислушиваясь к чужому мнению, и чем приниженнее он становится, тем фатальнее делаются оценочные суждения ближних. Атеизм является порождением отчаяния, испытываемого челове-

ством, униженным страхами и чувством вины. Не было больше возможности искупать грехи личным земным благо стоянием, поскольку его уже не хватало, чтобы удовлетворить требования церкви. Церковь может отрицать это утверждение, доказывая, что люди делают пожертвования добровольно, но на самом деле это происходит в добровольно-принудительном порядке. Не от чувства, что это нужно церкви, а от знания, что так положено, от страха – *что со мной будет, если не пожертвую*. Ведь Бог все видит. Но и тех, кто отдает последнее, церковь тем не менее продолжает считать грешниками.

Атеизм занимается морализаторством ничуть не меньше религии, однако атеизм не называет материальную жизнь естественным грехом. Придя к атеизму, человечество получило возможность на какое-то время вздохнуть свободнее и поднять голову. К сожалению, оно не просто подняло голову, но горделиво задрало нос. Люди не понимают, что повторяют ошибки прошлого, которое всего лишь рядится в новые одежды. Они берут на душу вину, то есть грех, даже тогда, когда на словах это отрицают. Ни религия, ни атеизм не учат человека, как избавиться от неверного отношения к жизни, ибо и религию и атеизм представляют в своем лице люди, которые не осознают своих потребностей. Не готовы дающие, не готовы берущие.

Назрело время обновления, но оно ждет, когда люди будут готовы к восприятию нового отношения.

Если церковь признавала бы реинкарнацию, то христианину было бы о чем задуматься в минуты сомнения, когда перед ним встает выбор между добром и злом. (Ведь первоначально даже в Библии имелась глава о реинкарнации.) Для исправления этой ошибки отцам церкви на первых порах было бы достаточно прекратить неестественное морализаторство и перестать вещать загробным голосом и с ложным пафосом. Мне уже не раз доводилось слышать пасторов, цитирующих Библию нормальным человеческим голосом. Вначале я испытала сильное удивление: произносимые ими слова приобретали совершенно иной смысл. В них даже ощущался явный намек на возрождение. Это были человеческие слова, подающие руку упавшему, помогающие лежачему встать на ноги и призывающие дерзких к благоразумию. Те же слова, произнесенные с ложным пафосом, производят обратный эффект, лишь усугубляя непощение и ненависть.

Знание того, что не кто-то там, на небесах, а я здесь, на земле, живу вечно и завтра исправлю свои сегодняшние ошибки, заставило бы людей ощущать ответственность за завтрашний день. Ведь в каждом из нас живет чувство, что человек вечен, даже если мы называем себя смертными. Человечество ждет от церкви признания ее ошибок. А пока нам следует высвободить церковь из плена ее собственного страха, тогда мы сможем дождаться этого момента безболезненно для себя и не причиняя боли церкви. Тогда мы перестанем отождествлять церковь с ее представи-

телями, а Бога – с церковью.

«Человек есть Бог» – так говорят, когда желают подчеркнуть, что человек способен на все. «Человек не Бог» – так говорят, когда желают оправдать свое невежество, неумение, неспособность. Таким образом, **человек одновременно является и не является Богом.** Богом он является в том смысле, что им из собственных недр постоянно и непрерывно излучаются импульсы. Но если вспомнить, какими желаниями человек подчас пополняет эти недра, то назвать его Богом язык не поворачивается. В этом смысле он и не человек даже.

Иными словами, в том, что человек беспрерывно отдает, он является Богом. А в остальном он не Бог. В остальном он – ограниченный человек и *при известном пределе ограниченности превращается в животное.* Но если он раздвигает границы страха за пределы ограниченности всех остальных людей, значит, другие люди по крайней мере не назовут его ограниченным человеком.

Излучать значить отдавать. Это свобода. Излучать внутрь невозможно. Больше всего мы отдаем, когда любим. Представьте себе в глубине сердца источник излучения. Закройте глаза и повторяйте про себя медленно и с чувством: «*Я излучаю. Я излучаю. Излучаю. Излучаю любовь. Излучаю свет.*»

Чем медленнее повторяете, тем спокойнее становитесь и тем отчетливей ощущаете в себе точку сосредоточения. Рас-

творяются границы тела. Вы чувствуете себя лишь источником излучения. Постепенно уходит ощущение срединной точки. *Ощущаемые в виде озноба сильные импульсы* сменяются *мелким горячим покалыванием*, покада не возникнет *теплое, приятное спокойное излучение*. Может показаться, что с такой неторопливостью никуда не успеешь.

Но это не так – представив себе мысленно амплитуду озноба, определите на ней одну точку и проследите за ее волнообразным движением. За короткое время точка преодолевает немалое расстояние. *Точка словно убегает от центра*. А теплая волна излучения словно колышется на месте. Если посмотреть на точку, исходящую из центра, и на конец луча, направленного в бесконечность, то вы увидите, что точка уже там. Как она успела? Успела, поскольку *для любви, то есть свободы, время не существует*. Ее не нужно ни тянуть за собой, ни подгонять сзади.

Если эта медитация прошла успешно, проследите за своими ощущениями. Если ощущаете воодушевление, высвободите это состояние, ибо **восторженность опасна для духа**. Дело в том, что восторженность от некоего ощущения представляет собой одну конкретную синусоиду энергии, тогда как мысль, слово и поступок являют собой совершенно иную синусоиду, вследствие чего эти синусоиды не совпадают. Одновременная восторженность по поводу некоего чувства и иной мысли также представляет собой различные

синусоиды, не совпадающие с синусоидой слова и поступка. Если человек, восторгающийся неким чувством и некой иной мыслью, ощущает восторг также и от слова, высказанного вслух либо не высказанного, то дело худо. И совсем худо, если человек одновременно испытывает восторг от некоего чувства, абсолютно не связанной с ним мысли, чьей-то идеи и совершенного кем-то поступка и желает реализовать все это одновременно. Такое состояние именуется шизофренией. Еще шизофрению называют манией величия или комплексом Наполеона.

Восторженность – это стремление приобщиться к духовному. Кто восторгается знаниями, желая компенсировать свой комплекс неполноценности, тот учится как сумасшедший, стремясь во что бы то ни стало обзавестись дипломом, подтверждающим его превосходство, либо учится бессистемно, чтобы суметь вставить слово в любой беседе. Если похвалить такого человека за знания, он впадает в эйфорию. **Эйфория – это повышено-радостное настроение.** Эйфория интеллигентного человека, обладающего обширными знаниями, скорее всего, говорит о шизофрении.

Люди, приходящие ко мне на прием хорошо подготовленными, говорят о своих проблемах кратко, без длиннот. Ознакомившись с моими книгами, они проделывают немалую предварительную работу и ко мне обращаются за конкретной дополнительной информацией, которую не сумели отыскать в общей теории. Если они больны физически, у них

есть конкретные стрессы, перечислить которые не составляет труда. Я делаю свою часть работы, и пациенты, получив необходимую информацию, отправляются домой, где сами помогают своим душе и телу. Подобное обоюдное честное отношение дает хорошие плоды.

Совсем иначе обстоит дело с душевнобольными. Чем они образованней, тем искуснее тебя обманывают. Стоит усомниться в их честности, как они сразу это чувствуют, и отношения между вами моментально портятся, ибо нет на свете человека честнее, чем душевнобольной. Высокопрофессиональный самообман душевнобольного вводит в заблуждение как его самого, так и любого легковверного, который *желает быть* с ближним доброжелательным, честным и справедливым. Это «желает быть» является камнем преткновения для всех, кто стремится познать человека, в том числе и для меня. Чем больше я познаю себя, тем больше понимаю, сколь сильно боюсь увидеть зло таким, каково оно есть. Из чувства самозащиты я его мысленно приукрашиваю, хотя внутренний голос говорит правду. Осечка заставляет поверить внутреннему голосу и суровой правде, которая выявляется тем очевиднее, чем дольше продолжается общение. Для пациента же правда заключается в ином – в моем неверии в его болезнь, в нежелании ему помочь, в обвинении меня в чем угодно.

Пример из жизни

Как-то приходит на прием скромная 54-летняя

женщина, темпераментная, с очень приятными манерами. Она с живостью принялась рассказывать о том, какая у нее ужасная судьба и сколь мужественно она переносит все удары. Радостный тон рассказа не соответствовал его содержанию. Я внимательно ее слушала, думая про себя о том, какой же урок преподносит эта женщина. Почему я позволяю ей повторять вновь и вновь все то, что она уже успела пересказать сто раз, да еще со всеми деталями? Снова пришлось слушать про невыносимо трудное детство, про то, как она принесла себя в жертву матери, как часто и тяжело болела, как ее обвиняла сестра, которой она помогала во всем. Про ту огромную жажду любви, которая подвигла ее погрузиться в учебу, чтобы компенсировать некрасивую внешность, слабое здоровье и нищету.

Она считала себя настолько некрасивой, что выбросила из дома все зеркала, чтобы не расстраиваться. Насчет внешности женщина лукавила – в свои пятьдесят четыре она выглядела никак не старше сорока пяти – лицо миловидное, фигура стройная, телосложение пропорциональное. О своих негативных эмоциях она говорила с восторгом. Она была чрезвычайно начитанна – весьма умно и к месту цитировала высказывания разных авторов, дополняя их своими соображениями – что ни мысль, то перл. От всех этих мыслей женщина впала в легкую эйфорию. Она сыпала цитатами из моих книг, перемежая их изречениями всемирно известных писателей и

цитатами из Библии. В голове у меня мелькнула мысль: поручи ей прочитать лекцию вместо меня, аудитория пришла бы в восторг. У нее была настолько великолепная логика, что хочешь не хочешь поверишь. К тому же правильная речь. И тем не менее внутренний голос подсказывал, что с человеком этим не все в порядке.

Далее последовал сдержанно-восторженный отчет о том, что ею было сделано, о том, каким образом ей, по сути полуживой, удалось практически выздороветь при помощи прощения. Оставалась лишь одна проблема: как завоевать любовь мужчины? Как сделать так, чтобы он был богатым, здоровым и счастливым? По ее словам, она всегда сторонилась мужчин. На самом деле это они всегда ее избегали. Когда я об этом сказала, возникла долгая пауза, и радостно-восторженное выражение на ее лице сменилось выражением полного недоумения. У меня возникло такое ощущение, что, если я произнесу еще хоть слово, женщина сойдет с ума.

Я решила не напирать и сказала: *«А теперь пора научиться высвободить свою проблему»*. Но не тут-то было. Не успела я продолжить, как ее прорвало: *«Какая такая проблема? В чем она – моя проблема? Разве можно проблему высвободить? Зачем высвободить мужчину? Нет у меня никакого мужчины и никогда не было, так с какой стати я должна его высвободить!»* Человек не понял самого простого практического упражнения. По части знаний и разглагольствования с этой женщиной было трудно

тягаться, но, что касается практики, здесь она была круглым нулем. Всю свою жизнь она забивала себе голову всевозможными знаниями, но, когда стало нужно употребить их на деле, вся система рухнула. Женщина обладала прекрасной памятью, но у нее отсутствовала способность мыслить, поскольку она с самого рождения была безропотным исполнителем чужой воли. Энергия ее чувств, а также энергия мыслей, энергия слов и энергия поступков сместились по фазе.

Этот человек был шизофреником.

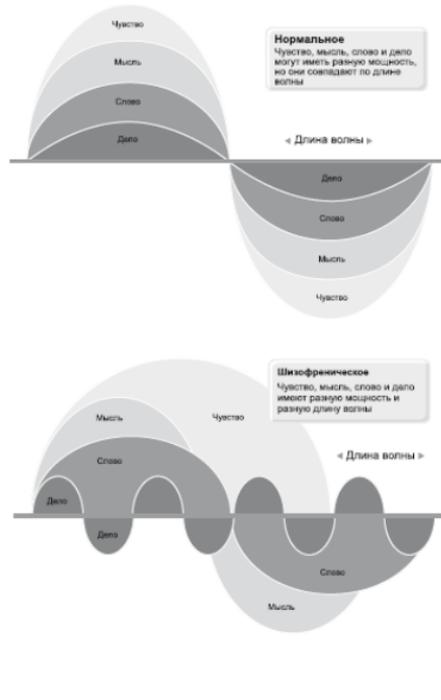
Отчего возникает шизофрения? Оттого, что **человек** живет чужими иллюзиями. Прежде всего иллюзиями своих родителей, воспитателей. Кто-то ждет от него одного, другой – другого, третий – третьего, четвертый еще чего-то. Чем больше человек напрягается, веря в то, что он сможет, тем вероятнее заболевает шизофренией, при которой чувства, мысли, слова и деяния существуют на волнах разной длины и не совпадают между собой. Почему так происходит? Потому что это не его чувства, мысли, слова и деяния. Они принадлежат другим людям. Подобно тому как эти люди не подходят друг другу, не принимают друг друга за своего, друг с другом враждуют, так и у шизофреника в голове все перепутано, и он не способен сам справиться с житейскими проблемами. Он желает нравиться всем, но не может справиться сам с собой и потому начинает сам себя бояться.

Тип шизофрении зависит от того, как родители реализуют свои благие устремления.

1. Одни стараются достичь *хорошего* добром. Это значит, что ребенка воспитывают лишь добром. Ребенок ограждает себя от плохого. Хорошее идеализируется, и ребенку рисуют картину жизни как чудесной сказки при условии, что он будет вести себя хорошо. Хороший ребенок слушается родителей, заботится о чистоте и порядке, ест и спит, как велят родители, учится и становится умным, примерным, знаменитым, уважаемым, богатым, идеальным, и родители могут им гордиться. Влияние на ребенка и духовное манипулирование им приводят к цели, если родители для ребенка важнее, чем он сам.

Для ребенка родители бывают важнее, чем он сам, в том случае, если он в предыдущей жизни испытал тяготы сиротской жизни. Такой ребенок сразу становится послушным, если ему сказать, что своим непослушанием он делает больно мамочке. Или что мамочка заболевает. Или что мамочка умрет. От одного этого ребенка охватывает панический ужас, который способен свести его с ума, и он будет делать все, что пожелает мамочка. Поступающие подобным образом родители даже не подозревают о том, что губят духовное здоровье ребенка. В предыдущей жизни он был физической жертвой родителей, а в нынешней становится жертвой духовной.

Нормальное и шизофреническое видение мира

Число родителей, воспитывающих ребенка исключительно добром, растет пропорционально повышению уровня материального благо со стояния.

II. Другие стараются добиться *хорошего* плохим. Иными словами, ребенка воспитывают истреблением плохого. Все плохое сравнивается с хорошим. Хорошее ставится в

пример, а плохое выставляется на позор. От бдительных родителей не ускользает ни малейшая отрицательная черта характера или погрешность. Родители только и делают, что читают нотации, критикуют, запугивают и угрожают: если будешь плохим, с тобой случится то же самое, что и с тем нехорошим ребенком, о котором тебе рассказывали. Ребенку живописуют мир кошмаров, рассчитывая на то, что от страха ребенок сделается хорошим.

Плохому стараются противостоять силой. Если человеку пришлось в течение нескольких жизней кряду подчиняться чужой воле, он этого страшится и одновременно притягивает это к себе. Страх вынуждает стать таким, как хотят окружающие, а когда выясняется, что ближние все равно недовольны, страхи усиливаются. Именно страх *меня все равно не полюбят таким, какой я есть* порождает мир кошмаров. Дух покидает мир кошмаров, чтобы уцелеть.

III. Третьи стремятся добиться *хорошего* и по-хорошему и по-плохому. Не считаясь с детским «я» и не интересуясь потребностями ребенка, родители стараются его то задобрить, то запугать, и ребенок становится то таким, то иным. А потом ребенка обвиняют в том, что он непредсказуем. Если детскую душу таким образом коверкает один из родителей, ребенок по крайней мере знает, как в данный момент угодить ему. Но если детскую душу насилуют оба родителя, ребенка то разрывают надвое, то загоняют в тиски.

А то кромсают ножницами, чтобы каждому из родителей достался тот кусочек, который ему по душе.

Первый тип шизофрении почти не поддается излечению лекарственными препаратами, поскольку эти люди во время приступа испытывают райское блаженство и считают свой недуг счастьем, позволяющим им отрешиться от земных тягот. Они не понимают, с какой стати должны добровольно принимать лекарства и тем самым отказываться от такого блаженства. Когда шизофреник произносит «я», он подразумевает *истинного* себя, в отличие от других людей, которые под «я» подразумевают свое тело. Шизофреник не знает, что он бежит от своего тела туда, где поистине хорошо.

Ни один из тех, кто бежит от страхов, не помнит, что им оставлено позади. Поэтому ему нет дела до земного мира. Если земной мир попытается переделать его по своему вкусу, человек становится агрессивным.

Второй тип шизофрении легче поддается излечению лекарствами, так как во время приступа больные испытывают адские муки. Страхась очередного приступа болезни, они принимают лекарства очень аккуратно. Даже лечение мыслями для них приемлемо. Только они не верят в возможность исцеления без лекарств. Если родители осознали бы свою ошибку и стали работать над собой, чтобы помочь ребенку, у ребенка появилась бы возможность выздороветь. Человек, заболевший шизофренией в более зрелом возрасте, нуждается в духовной поддержке со стороны супруга или

близкого человека. Живя рядом с супругом-чурбаном, исцелиться невозможно.

В первом случае речь идет о больных, которые спасаются бегством от чрезмерного материализма и атеизма, а во втором – о тех., кто бежит от чрезмерного идеализма и религии. И те и другие перебарщивают из-за страхов. Одни витают в облаках, другие слишком прирастают к земле. Первые лучше воспринимают принципы исправления умонастроения, тогда как вторые могут эти принципы полностью отрицать.

Наиболее распространен третий тип шизофрении, и именно этим больным труднее всего помочь, потому что они не принимают помощи. Говоришь ему одно – у него тут же готово возражение. Советуешь иное, а он выдвигает контрдовод. Так он реагирует из чувства самозащиты. Он привык к тому, что его с самого рождения гнут и ломают, но теперь он намерен положить этому конец. В таком душевном состоянии человеку нельзя давать возможности свободного выбора, так как он не умеет выбирать. Он будет хвататься за все, что подвернется под руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.